

30-a

2219

НАЗАРЪ СТОДОЛЯ.

МАЛОРОССИЙСКАЯ ДІЯ.

Т. Г. Шевченко.

Цѣна 15 коп.

ОДЕССА.

Типографія П. Н. Фесенко, Ришельевская, соб. д. № 47.

30 а
2219

1889.

~~9~~
12844

ВЪ КНИЖНЫХЪ И МУЗЫКАЛЬНЫХЪ
МАГАЗИНАХЪ

БОЛЕСЛАВА КОРЕЙВО,

Коммисіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Музыкальнаго Общества
въ КІЕВѢ, Крещатикъ, № 35, въ ОДЕССѢ, Дерибасовская, противъ
городскаго сада.

Продаются всѣ музыкальныя сочиненія

М. **М. ЛЫСЕНКА.** *Съ*

Для пѣнія съ аккомпаниментомъ фортепіано:

РИЗДВИНА НИЧЬ. Комико-Лирична опера въ четырехъ дѣяхъ (Тема по Го-
голю) Текстъ М. Старицкаго. Цѣна 10 руб.

ЧОРНОМОРЦІ. Оперетта у 3 дѣяхъ. Текстъ по Бухаренку склавъ М. Старицкій.

Збирнякъ украинскыхъ писень I. выпускъ, цѣна 2 р. 50 к.

Збирнякъ украинскыхъ писень II. выпускъ, цѣна 2 р. 50 к.

Збирнякъ украинскыхъ писень III. выпускъ, цѣна 3 р. 50 к.

Збирнякъ народныхъ украинскыхъ писень для хору. Першій десятокъ
ц. 50 к.

МОЛОДОЩИ. Збирнякъ танцевъ та веснянокъ. Гры, спивы весняни, дятячи,
дивочи, жоночи и мишани; цѣна 1 р. 20 к.

ПЛАЧЬ ЯРОСЛАВНЫ. Частына зъ поемы „Слово о пльку Игоревѣ“. Цѣна 50 к.

Кромѣ того въ магазинѣ имѣется большой выборъ малороссійскихъ
нотъ.

НАЗАРЪ СТОДОЛЯ.

МАЛОРОССІЙСКАЯ ДІЯ.

М. Т. Млевченко.

XIV. 2

2889

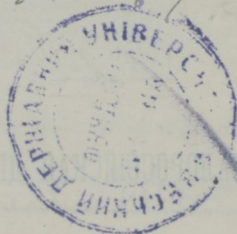
ОДЕССА.

Гипографія Е. И. Фесенко, Ришельевская ул., соб. д. № 47.

1889.

30 а
2219

~~12844~~

Дозволено цензурою. Одесса, 9-го Мая 1887 года.

НАЗАРЬ СТОДОЛЯ.
МАЛОРОССИЙСКАЯ ДІЯ.

(Невидомого року).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Хома Кычатый, сотникъ.

Галя, дочь его.

Стеха, молодая кляшница
у Кычатого.

Назарь Стодоля, другъ его.

Гнатъ Карый, другъ его.

Хозяйка на вечерницахъ.

Съ мной кобзарь, жида-музыканты, молодые козаки, двушки и сваты отъ Чигиринскаго полковника.

Дѣйствіе происходитъ въ XVII-мъ столѣтїи, близъ Чигирина, въ козацкой слободѣ, въ ночь на Рождество Христово.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Вечеръ. Внутренность свѣтлицы, богато убранной коврами и бархатомъ. Въ сторонѣ столъ, покрытый дорогимъ ковромъ, кругомъ скамьи подъ бархатомъ, окаймленная золотомъ. На столѣ стоятъ флаги, кубки и разныя кушанья; горятъ восковыя свѣчи. Стеха убираетъ столъ.

Стеха (отходитъ отъ стола). Усе! Здається, що все. Стривай лишень, чи не забула чого? Рыба, м'ясо, бараньна, свынна, ковбаса, вышнивка, сльвянка, медь, венгерськее—усе, усе! Тутъ и йистывне и выпыты. Колы бь лишень гости. Та

що вони такъ довго баряться? И надоумило жъ сидоусого у таке свято, колы добри люде тилькы колядують, сподиваться гостей, та й ще якыхъ гостей! старостивъ одъ такого жъ старого дурня, якъ и самъ. Побачымо, що-то зъ того буде? Негрите зализо не зигнешь! А якъ-бы не крився та пораявся бъ зо мною оттакъ тыжнивъ за два до святъ, то певна уже була бъ ричъ; а то ехаменувся на самисинькый святъ-вечирь, та й ластыться: „и сяка, й тага, и добра, и розумна ты, Стехо, поможы! Я вже тоби и се, и те, и трете и десяте“. Побачымо, побачымо, якъ попадеться нашому теляти вовка пійматы. (*Помомавг*). Не сказавшы ни слова дочки, за кого и якъ хоче виддаты, думае що наша сестра — коза: поженешъ, куды схочешъ. Е, ни! стривай лышень, голубчыку! „Ублагай ин“, каже. Та и щотакы той поганый хорунжий? А полковникъ, хочъ старый — нехай ёму добро snyться — такъ же пань!... Оце бъ то вона й стямылася! Иншому дзусь, а я — такъ визьмусь. Дивци дивку не довго збыть зъ пантелыку, а ще таку, якъ моя панночка — и-и! Та вже жъ, якъ кажуть, піймавъ, не піймавъ, а погнаться можна. Тоди, якъ тее — то, вже жъ и погуляю!... А вона поплаче, посумуе, а дали й ничогисинько. Та й Назаръ такы не разъ спасыби скаже. (*Изъ боковыхъ дверей выходитъ Галя*)

Стеха. А що? якъ прыбрано?... Тымъ бо й ба!
Галя. Що це ты, Стехо, робышь? Хиба у насъ сёгодні гости, чи що?

Стеха. Та ще й яки гости, якъ бы вы знали!

Галя. Яки жъ тамъ гости и видкиля?

Стеха. Угадайте.

Галя. Чи не зъ Чыгырына?... Такъ?

Стеха. Изъ Чыгырына, та хто такый?

Галя. Яки-небудь старшыны?

Стеха. То-то бо й йе, що не старшыны, и...

Галя. Такъ хто жъ такый? Може... та ни! сёгодні не такый день. А мени батюшка учора и говорывъ шось таке.

Стеха. Говорывъ, та не договорывъ. А я знаю, — тилькы не скажу.

Галя. (*обнимаю Стеху*). Стехо, голубочко, ластивго моя! скажы, не мучь мене.

Стеха. А що дасте? скажу...

Галя. Ще серезкы, або перстень, або що хочешъ подарую, тильки скажы.

Стеха. Ничого не треба; дайте тилькы свй байбаракъ надиты сёгодні на вечорныци.

Галя. Добре, надивай, та такъ, щобъ батюшка часомъ не побачывъ.

Стеха. Оце ще! хиба жъ я справди дурна?

Слушайте жъ. (*Въ поллоса*). Сегодня прыйдутъ старосты.

Галя. (*въ восторѣ*). Видь Назара! видь Назара!

Стеха. Та тамъ вже побачыте, видь кого.

Галя. Хиба жъ не видь Назара, Стехо? Що жъ, оце мене и справди лякаешъ?

Стеха. Я васъ не лякаю, я тилькы такъ кажу.

Галя. Ни, ты щось знаешъ, та не хочешъ сказаты.

Стеха (*лукаво*). Я ничего не знаю. Де мени, ключныци, видаты про паньски дила?

Галя. Ты смієшся зъ мене! Я заплачу, їй-Богу, заплачу, и батюшци скажу.

Стеха. Що жъ вы скажете?

Галя. Що ты мене перелякала... Теперечкы не дамъ байбарака. А що, пожывылась?

Стеха. Оце, яки бо вы боязьки! й повирылы!

Галя. Ну, що жъ? видь Назара?

Стеха. Та видь кого жъ бильшь? вже пакъ не видь старого Молочая, нашего полковныка.

Галя. Цуръ ему, якый нехороший! Якъ прыйде до насъ, то я заразъ изъ хаты втикаю. Мени навдывовыжу, якъ ще его козаки слухають. Тилько у его, наскудного, и мовы, що про наливку та про вареныкы.

Стеха. А хиба жъ се й не добре?

Галя. Звисно! козаку, та ще й полковныку!

Ось мій Назаръ, мій чорнобрывый, усе про войну та про походы, про Налывайка, Острияцию, та про сыне море, про Татаръ, та про Турецьку землю. Страшно, страшно, а хороше, такъ що слухала бъ, не наслухалась ёго, та все дывылась бы въ его кари очи. Мало дня, мало ночи.

Стеха. Наслухаєтесь, ще й налюбуетесь. Описля, може, и обрыдне.

Галя. О, крий Боже! До самой смерти, покы вмру, все дывылась бы та слухала его. Скажы мени, Стехо, чи ты любила колы, чи обнимала колы козацькый станъ высокый. що... дрижать руки, мліє сердце? А колы цилуешъ... що тоди? Якъ се, мабуть, любо! якъ се весело (*Въ восторѣ поєтъ и пляшетъ*).

Гой, гоя, гоя!

Що зо мною, що я?

Полубыла козака—

Не маю покоя.

Я его боялась...

Що жъ описля сталося!

На вулицы повстричалась

Та й поцилувалась.

А маты узрила...

Яке тоби дило!

Виддавайте замижъ,

Колы надойила!

Стеха. Гарно, гарно! А одь кого це вивчылысь?

Галя. Та одь тебе жь. Хиба ты забула, якъ на вулицы, на тій недилі, танцювала? Тоди ще батюшкы не було дома... згадала?

Стеха. Колы се? Оце ще выдумалы! (*Стучатся въ дверь*).

Галя. (*торопливо*). Охъ, лышечко! хтось иде! (*убыгаєть*).

Стеха. Хто тамъ?

Хома. (*за дверью*). Я, я! видчыннай мерщій.

(*Стеха отворяетъ дверь. Входитъ Хома, отряхиваясь*).

Хома. Що не було? Оце жь яка хуртовина!

Стеха. Кого не було?

Хома. Кого? гостей!

Стеха. Якихъ гостей? отъ пол...

Хома. Цсь!... еге жь.

Стеха. Ни, не було.

Хома. Гляды жь, а ни телень!... Отець Даныло, спасыби, розришывъ. Не забудь тилькы завтра въ ранци послать ему вышивкы,—знаєшь? —тыей, що недавно дольвали. Нехай соби пье на здоровья. Та що се ихъ нема такъ довго? Чи не злякалысь, бува, заверюхы? А витерь неначе стыха.

Стеха. Злякаються вони! дежъ пакъ! И въ горобыну ничъ прийдуть для такой панночкы, якъ наша.

Хома. Звычайно, звычайно.

Стеха. Ище пакъ такый старый... а панночка...

Хома. Сама ты стара, сорока безхвоста!

Стеха. Дывысь! заразы и розсердылысь. Хиба я на васъ?

Хома. Такъ що жь, що не на мене? Такъ на мого... ну... полковныка.

Стеха. Е, бачъ що! А панночка? чи вы жь зь нею говорылы? що вона?

Хома. А що вона? ии дило таке: що звелять, те й робы. Воно ще молоде, дурне; а твое дило навчыть ии, врозумыть, що любовь и все таке прочее—дурныця, никчемие. Ты вже, думаю, розумієшь?

Стеха. Та се розумію, та зь якого кинця початы, не знаю. Вона, бачыте, полюбыла Назара такъ, що й сказать не можна. Ось и сегодня мени говорыла. Молы, каже, Стехо, Бога, щобъ швидче я выйшла замижъ за Назара, —половину добра свого видамъ!

Хома. А ты й повирыла!

Стеха. А чому жь и ни? вона така добренька.

Хома. Дурна ты, дурна! А якъ же я самъ тобі все добро видамъ, тоди що буде? га? Що ты думаєшь? (*Ласкаетъ ее*). То-то бо и йе, дурочка ты, безсережна!

Стеха. Що мени робыть, колы я дурочка?

Х о м а. А то, що велять. Чуешь? усе, що въ мене йе—твое.

С т е х а. Не треба мени вашего добра; я и безъ нѣго була бь щаслива, якъ бы вы не забулы биднои Стехы и тоди, колы зробітесь великымъ паномъ. Я васъ такъ вирно люблю, такъ вбываюсь за вами, а вы.. (*притворно груститъ*).

Х о м а. Отъ же и нагадалы кози смерть! Зновъ свое. Сказавъ, такъ и зробию.

С т е х а. Чи мало що люде обещаютъ, колы имъ прыпаде нужда.

Х о м а. Годи не знать що базикать. Пиды лышень до Гали та поговоры съ нею хорошенько по своему, и колы тее... то завтра и мижъ намы онее.

С т е х а. Казавъ панъ кожухъ дамъ, та й слово его тепле. И я тилькы грихъ на душу визьму.

Х о м а. Який тутъ грихъ? Дурныця все те!

С т е х а. Забожиться, що женытесь, тоди йй-Богу все зробию! А безъ мене, кажу вамъ, ничего не буде йй-Богу!

Х о м а. Отъ же йй-Богу, далеби!

С т е х а. Женытесь?

Х о м а. Его!

С т е х а. На мени?

Х о м а. Якъ коржа, такъ коржа!—Ягъ спечемо,

такъ и дамо. Уже ты мени въ печинкахъ сыдышь зъ своими вытребеньками.

С т е х а. Яки тутъ вытребенькы?

Х о м а. Ну, добре, добре! тилькы слухай. Треба дило скомпонуваты такъ, щобъ вона не знала, видь кого старосты; а то—чого доброго—усе пиде шкереберть.

С т е х а. Та вже мени не вчытсья, якъ диломъ повернуть. Наговорю такого дыва панночци щотвій кобзарь. Старый, скажу, чоловікъ, якъ подумаешь, усимъ, усимъ лучше видь молодого. Молодый.. та й що й казать? никуды не годытсья, а до того ще докучливый та ревныый, а старый, тыхий и погирный.

Х о м а. Такъ, такъ! О, ты дивка розумна! Иды жъ до Гали, да гляды, гарненько побалакай зъ нею.

С т е х а. А потимъ, чи можна мени буде питы на вечорныци? Я вже зовсимъ упоралась. Пустить, будьте ласкови, хочъ въ послидній разочокъ.

Х о м а. У тебе тилькы й на думци, що вечорныци. О, вже мени та Мотовылыха!

С т е х а. Мотовылыха? Чи не казала вамъ вона, стара паплюга чого? Що жъ, що я зъ козакы танцюю? А якъ вы жартуете зъ молодыцями, такъ я й ничего!

Хома. Иды жъ, иды, та покличъ мени Галю, а затымъ сама полагадь рушныкы.

Стеха. Та вже усе наготови. (*Уходитъ*).

Хома. Злыгався я зъ діаволомъ... (*Оглядывается*). Що жъ? не можна безъ цѣго. У такому дили якъ не верты, треба або чорта, або жинкы. (*Немножко помолавъ*). Чого доброго! ще, може, й мене обдурить, тоди и остався на вику вични въ дурняхъ. Та ни, лыха матери! Абы бъ тильки ты мени своими хитрошамы помогла породнытсья зъ полковникомъ, а тамъ уже що буде—побачымо. Ишь ты, мужычка! куды кырпу гне! Стривай! (*Продолжительное молчаніе*). Думай соби, голубко, да гадай, що... а воно зовсимъ не такъ буде. Закынь тилькы удочку, сама рыбка пиде. Шуткы.—тестъ полковника!.. А що дали—се наше дило. Абы бъ черезъ поригъ, то ми й за поригъ глянемъ. У якыхъ-небудь Черкасахъ, а може у самому Чыгырыни, гуляй соби зъ полковнычою булавою! и слава, и почоть, и червинци до себе гарбай: все твое. А пуще всёго червинци. Ихъ люде по духу чуютъ; хочъ не показуй, все кланятымутсья... Ха ха-ха! отъ тоби й сотныкъ! Ще въ Братськимъ сердце мое чуло, що зъ мене буде великій панъ. Було говорю одно, а роблю друге; за се называли мене двулычнымъ. Дурни, дурни! Хиба жъ якъ говорымъ про огонь?

такъ и лизты въ огонь? або якъ про чернобрыву сыроту, такъ и женытсья на ій? Брехня! видь огню подальшъ. Женыся не на чорныхъ бровахъ, не на карыхъ очахъ, а на хуторахъ и млынахъ, такъ и будешъ чоловікомъ, а не дурнемъ. (*Входитъ Галя*).

Галя (*весело*). Добры-вечырь, батюшка! Де це вы такъ довго барылысь? Вы мене кыкалы, чы що?

Хома. Та кыкавъ, кыкавъ. (*Осматриваетъ ее*). Що ты не вси стрички почипляла? Та нехай! покы буде й сихъ. Послухай. Мени треба поговорыты зъ тобою объ важнимъ дили. Ты знаешъ, мы сёгодня старостивъ сподиваемось?

Галя. Сёгодня! на первый день праздника,—на самисиньке Риздво?

Хома. Такъ що жъ? Отецъ Даныло, спасыби, розришивъ. Гляды жъ, не пиднесы гарбуза.

Галя. Якъ се можна! Хиба винъ дуже старый, чы що? Осъ послушайте, якои нисенитныци наговорила мени Стеха. Смихъ та й годи!

Хома. А що тоби вона наговорила?

Галя. Каже, буцимъ-то стари... та ни, не скажу, далеби не скажу, бо ка-зна-що! Вона й сама не знае, що говорыть.

Хома. Хиба жъ не правда? Старый чоловікъ краще молодого.

Галя. Та й вона те жь казала.

Хома. А тоби якъ здається?

Галя. Якъ такы можна? то старый, а то молодой!

Хома. Такъ по твоему молодой краще?

Галя. Ато жь пакъ?

Хома. Помиркуй лышень гарненько, такъ и побачышь, що батькова правда, а не твоя. Ну, що молодой? Хиба те, що чорни усы? та й тилькы жь. Не виць тоби нымъ любоваться: прыйде пора—треба подуматы обь чимъ и другимъ. Може колы захочеться почоту, поваження, поклонивъ. Кому жь се звичайнйше? полковници... се я такъ прымиромъ говорю... а не якій небудь жинци хорунжого; бо у ёго тилькы й худобы, тилькы й добра, що чорный усъ. Повирь мени, дочко, на тебе нихто и дывыться не захоче.

Галя. Та я й не хочу, щобъ на мене други дывылысь.

Хома. Не знать що верзешъ ты. Хиба ты думаешъ, що не обрыдне цилисинькый виць дывыться на тебе одну? Хиба ты одна на Божимъ свити? Йе й кращи тебе. Того и гляды, що розлюбыть.

Галя. Назарь? мене? О ни! ни, николы на свити!

Хома. Я й не кажу, що воно справди такъ буде, а такъ, напрыкладъ,—щобъ ты тямыла, що мы вси на одинъ штальтъ шыти.

Галя. О, ни! не вси! винъ не такый, винъ не розлюбыть.

Хома. А що жь? хиба винъ тоби побожывся?

Галя. А то жь?

Хома. А ты й повирыла!

Галя. Я и безъ божбы повирыла бь.

Хома. Дурне ты, дурне! Чи знаешъ же ты, що хто богацько обищае, той ничего не дае? Ой, схаменысь, та послухай батькивського совиту. Добре, що я вже такый—що обичавъ, те й зробию. Ну, не дай я тоби прыданого,—що тоди, га? Пожалуй, винъ и такъ тебе визьме: мало якихъ дурнивъ нема на свити! та що жь въ тимъ? Подумай, що тоди ты робытымешъ?

Галя. Те, що и вси роблять—заробляла бь.

Хома. А що лучше: чи самй робыты, чи дывыться, якъ други на тебе роблять?

Галя. Якъ кому.

Хома. То-то и горе, що ты ще дурне. Я тоби бь и багацько де-чого сказавъ, та николы: того й гляды, що старосты на поригъ. А чи есть у тебе рушныкы?

Галя. *(весело)*. Йе, йе! Якъ я рада! въ мене сердце не на мисти! Чи й вамъ такъ весело?

Хома. Весело дуже весело. Иды жь та не за-

будь сказаты, що колы прыйдуть колядуваты, такъ щобъ гналы ихъ у потылицю.

Галия. За що жъ? Се жъ дило законне! та воно жъ разъ тилькы въ году!

Хома. А старосты разъ на вику.

Галия. Справди, щобъ не помишалы... Ще й законной речи не падуть сповныть. Такъ побижу жъ я и скажу, щобъ заперлы ворота и хвиртку. *(Уходитъ)*.

Хома. *(ходитъ задумавшись)*. Здається, дило добре йде. Вона думатыме, що Назаръ свата, зъ дуру и согласыться; старосты не промовляться; весилля можна одкнуты ажъ геть до того тыжня; а черезъ таку годину и нашего брата, мужыка, угомонышь, щобъ не брыкався, не то що дивку. Колы бь тилькы який гаспыдъ не принисъ того горобця безперого! тоди пышы пропало. Наробыть бешкету! *(съ важностію)*. А подумаешъ и те: яке ёму дило до Гали? Се жъ моя дытына, мое добро, слидовательно моя власть, моя и сыла надъ нею. Я отецъ, я царь ии. Та цуръ ёму, цекъ! Се дило ще не таке, щобъ объ ёму довго думаты. Не дуже треба плошаты, бо береженного Богъ береже, або — якъ тамъ ще кажуть — ривнійшь згладышь, тиснійшь ляжешъ.

Галия. *(вбѣгаетъ въ восторгъ)*. Прыйихалы, прыйихалы!

Хома *(вздригнувъ)*. Оце жъ, якъ ты мене зякала! Пиды у свою кимнату та прыйдешъ, якъ клыкну.

Галия. Чого у кимнату? Я тутъ зостанусь, ништо не побачыть.

Хома. Незвычайно: законъ не вельты.

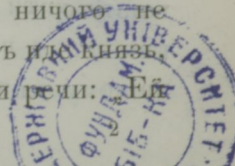
Галия. Ну такъ я пиду. *(Уходитъ)*.

(Хома съ важностію садится за столъ. За дверью стучатъ три раза. Входятъ два свата съ хлѣбомъ и, низко кланяясь хозяину, кладутъ хлѣбъ на столъ).

Сваты. Дай, Боже, вечеръ добрый, вельможный пане!

Хома. Добры-вечиръ и вамъ. *(Даетъ знакъ свату. Тотъ кланяется. Хома шепчетъ ему на ухо и потомъ продолжаетъ)*. Добры-вечиръ, люде добри! Просымо сидаты; будьте гостямы. А видкиля се васъ Богъ несе? Чи здалека, чи зблызка? Може, вы охотныкы яки? може рыбалкы, або, може, вольныи козаки?

Сватъ *(тихо покашливаетъ)*. И рыбалкы, и вольныи козаки. Мы люде нимецкыи, идемо зъ земли турецккой. Разъ дома у нашій земли выпала пороша. Я й кажу товарищу: „Що намъ дывыться на погоду? ходимъ лышень шукаты звирыного слиду“. Отъ и пишлы. Ходылы, ходылы, ничего не знайшлы. Ажъ гулькь — назустричъ намъ икъ князь пиднима у-гору плечи и говоритъ такыи:

вы, охотныкы, ловцы, молодци! будьте ласкави, покажите дружбу. Трапылась мени куныця—красна дивыця; не йимъ, не пью и не сплю видъ того часу, а все думаю, якъ бы ии достаты. Поможите мени ии шійматы; тоди чого душа ваша забажа, усе просите, усе дамъ: хочъ десять городивъ, або трыдевятъ кладивъ, або чого хочете“. Ну, намъ того й треба. Пишлы мы по слидамъ по всимъ городамъ, по усихъ усюдахъ и у Нимецыну, и у Турецыну; вси царства й государства пройшлы, а все куныци не знайшлы. Отъ мы и кажемо князю: „Що за дыво та звирюка? хйба де кращои нема? Ходимъ другои шукаты“. Такъ де тоби! Нашъ князь и слухаты не хоче. „Де вже“, каже, „я не зъиздывъ, въ якыхъ государствахъ не бувавъ, а такой куныци, сиречь красной дивыци, не выдавъ“. Пишлы мы впять по слиду, и якъ разъ усе село зайшлы, якъ его дражняты, не знаемо. Тутъ впять выпала пороша. Мы, ловцы-молодци, ну слидыты, ну ходыты; сёгодня въ ранци встали и такы на слидъ напали. Певно, що звиръ нашъ лишовъ у двиръ вашъ, а зъ двору въ хату та й сивъ у кимнату; тутъ и мусьмо пійматы, тутъ застряла наша куныця, въ вашій хати красная дивыця. Оце жъ нашему слову кинецъ, а вы дайте дилу винець. Проби, отдайте нашему князю куныцю, вашу красну дивыцю. Ка-

жить же дипломъ, чи оддасте, чи нехай ше пидросте?

Хома (*притворно съ сердцемъ*). Що за напасть така! Видкиля се вы биду таку накликаете! Галю! чи чуешъ? Галю! порай же, будь ласкава, що мени робыты зъ оцимы ловцями-молодцями.

(Галя выходитъ на средину свѣтлицы, останавливается и, стыдливо потупивъ глаза, перебираетъ пальцами передникъ)

Хома. Бачыте вы, ловцы-молодци, чого вы натворылы: мене старого зъ дочкою прыстыдылы!.. Гай-гай! такъ ось же що мы зробымо: хлибъ святой прыймаемо, добраго слова не цураемо, а за те, щобъ вы насъ не лякалы, буцимъ мы передержуемо куныцю, або красну дивыцю, васъ повьяжемо. Прыйшовъ и нашъ чередъ до ладу слово прыкладать. Ну, годи жъ тоби, дочко, посунывшысь стояты; чи нема въ тебе чымъ сихъ ловцивъ-молодцивъ повьязаты? чуешъ бо, Галю? А, може, рушныкивъ нема? може, ничего не прыдбала! Не вмила прясты, не вмила шыты—вьяжы жъ чымъ знаешъ,—хочъ мотузкомъ, колы ще й винъ йе.

(Галя уходитъ въ свою свѣтлицу и немедленно возвращается, неся на серебряномъ блюдѣ два вышитыя полотенца, и кладетъ на хлѣбъ, принесенный сватами; потомъ подходитъ къ отцу и низко кланяется и цѣлуетъ руку; потомъ беретъ блюдо съ полотенцами и

подноситъ сватамъ—сперваодному, потомъ друиому. Сваты, взявши полотенца, кланяются Хома).

Св а т ь. Спасыби жъ батькови, що свою дытыну рано будывъ и усякому добру учывъ. Спасыби й тоби, дивко, що рано ветавала, тонку пряжу пряла, прыдане прыдбала.

(Галя беретъ полотенца и перевязываетъ черезъ плечо одному и друиому, потомъ отходитъ и робко поглядываетъ на двери).

Х о м а *(къ Галь)*. Догадався, догадався! Ты хочешъ и князя завязаты. Нехай завтра обоє ёго завяжемо. Бачъ, мабуть, злягався, що не показався. Стривай, попадешься, не втечешъ!

Св а т ь. Винъ и самъ прылететь, якъ зачуетъ, що такъ похваляється.

Х о м а. Ну, помы вже долететь, намъ ничего ждаты. Просымо сидаты. Що тамъ йе, поймы; що дадутъ, попьемо та побалакаемъ де-що. А тымъ-часомъ, ты, Галю, не гуляй, въ корци меду нальвай та гостямъ пиднесы хлеба-соли, просы зъ привиномъ и зъ ласкою.

(Сваты чинно садятся за столъ. Галя принимаетъ отъ отца чару и флягу и подноситъ старшему свату. Сватъ не принимаетъ).

Св а т ь. Мы вамъ такой халены натворылы,

що боимося, щобъ вы насъ не потруили... Прызывайтесь самы. *(Кланяется).*

(Галя, посматривая на отца робко и стыдливо, подноситъ къ губамъ и подаетъ свату).

Св а т ь *(поднявъ чару)*. Гепера такъ! Пошли жъ, Боже, нашимъ молодымъ щастя и багатства, и доброго здоровья, щобъ и внукивъ женыты и правнукивъ диждаты...

(Свата прерываетъ хоръ колядниковъ подъ окномъ. Все слушаютъ со вниманiемъ. Хома съ досадою покручиваетъ усы; Галя весело посматриваетъ на окно. Сватъ въ продолженiе колядки, повторяетъ. „Гарно колядуютъ наши козаки!“

КОЛЯДКА.

Бачыть же Богъ, бачыть Творецъ,

Що мыръ погыбае,

Архангела Гаврыла

Въ Назаретъ посилае!

Благовистывъ въ Назарети—

Стала слава у вертепи.

О, прекрасный Выхльеме!

Отверзы врата Едема.

Х о м а *(къ Галь, съ сердцемъ)*. Я жъ тоби наказывавъ, щобъ никого не пускалы! Задумалась, забула!

(Входитъ Назаръ съ молодыми казаками).

Н а з а р ь. Дай, Боже, вечиръ добрый! помагай-би вамъ на все добре!

(Всѣ козаки повторяютъ тоже. Назаръ, не снимая шапки, въ ужасъ останавливается; поглядываетъ то на гостей, то на Галю. Всѣ молчатъ).

Х о м а *(смѣшавшись)*. Спасыби, спасыби... Мылосты просымо. Просымо сидаты.

(Молчаніе продолжается. Галя, улыбаясь, украдкой поглядываетъ на Назара).

Н а з а р ъ. Сядемо, сядемо, абы було де: мы гости непрохани. Може, помишались; дакъ мы и идемо, видкиля прыйшлы. *(Смотритъ на сватовъ)*. Такъ бачъ, черезъ що полковныкъ пославъ мене зъ грамотамы въ Гуляй-Поле! *(Глядя на Галю)*. Весело, весело! наливай швидче горилкы, и я выпью за твое здоровья! Не лякайся, наливай.

(Галя, въ ужасъ, роняетъ подносъ и флягу).

Х о м а *(въ бѣшенствѣ)*. Хто сміе згнуцаться надъ моею дочкою?

Н а з а р ъ. Я! хйба не бачышь? я, Назаръ Стодоля! той самый, за кого ты вчора обещавъ выдать дочку свою, той самый, якого ты знавъ ще зъ тыеи поры, якъ винъ тебе вырвавъ изъ-пидъ ножа гайдамакы! Згадай и ще: я той самый, хто й самому гетьману не дасть себе на посмихъ! Пизнавъ?

Х о м а. Пизнавъ. *(Равнодушно)*. Що дальшь?

Г а л я. Хйба жъ не ты прыславъ?

Х о м а. Мовчы! геть соби!

Н а з а р ъ *(останавливаетъ Галю)*. Стривай, стій тутъ! И тебе обманюють?

Х о м а. Не обманюю, а—такъ якъ батько—велю. Вона просватана за чыгырынського полковныка.

Н а з а р ъ *(съ презрѣніемъ)*. Полковныка! Учора була моя, сѣгодня полковныкова, а завтра чья буде? Чуешь, Галю?

Г а л я *(падая на руки Назара)*. Чую! О, чомъ мени не позакладало!

С в а т ь. Осмилююсь доложить...

Н а з а р ъ. Мовчы, поганецъ, шыпотынныку!

Х о м а. Виддай мени дочку мою. *(Робко подходитъ къ Назару)*.

Н а з а р ъ. Геть, Юда!

Х о м а *(въ ужасъ)*. Прохоръ, Максимъ, Иванъ, Стехо! Гей, хто тамъ йе? Возьмитъ ёго, харцызяку, винъ убье мене!

Н а з а р ъ. Нехай Богъ тебе побье, дитопродавецъ! *(Къ Галю)*. Галю! сердце мое! промовъ мени хоть одно слово: ты не знала—за кого? Скажы: не знала?

Г а л я *(приходитъ въ себя)*. Не знала, й-Богу, не знала!

Н а з а р ъ *(къ Хомъ)*. Чи чуешь ты?

Х о м а. Не чую; я оглухъ!

Н а з а р ъ *(къ гостямъ)*. Люде добри! колы вы

не оглухлы, такъ послушайте. Винъ мене называвъ своимъ сыномъ, а я ёго своимъ батькомъ, и винъ се чувъ тоди, а сёгодня оглухъ. Де жъ его правда? Чи чесный же винъ чоловікъ? правдивый, га?

(Гости молчатъ).

Гнатъ *(подходитъ къ Назару)*. Винъ не чоловікъ. Кынь ёго; таке ледащо не стоить путнёго слова! *(Беретъ его за руку)*

Назаръ. Стривай! ни, винъ чоловікъ, винъ называвъ мене сыномъ. *(Къ Хома)*. Правда?

Хома. Не тоби вчыты, якъ мени кого называты. Я ии батьго, а не твій: такъ у мойй воли оддать ии, за кого схочу.

Назаръ. А якъ же вона не захоче, тоди що?

Хома. Я заставлю.

Назаръ. Чи можна жъ кого заставитьъ утопыться або повисыться? Хиба ты Богъ, що маешъ сылу чудеса творить? Хиба ты дяволь, колы ты не маешъ жалю до ридной своей дытыны? Чи бачышь, у ней йе сердце, и ты замистъ ёго кладешъ каминюку. Слухай: и ты жъ колысь бувъ молодымъ, и ты жъ мавъ колы-небудь радистъ и горе. Скажы, що чуло, що казало твое сердце, колы тобою кепкувалы?

Хома. Го-во-ры!..

Назаръ *(въ изступленіи)*. Такъ ты глузуешъ

надо мною. Хиба я не стопчу тебе, якъ жабу? Брехунъ! *(Быстро, подходитъ къ нему и хватаетъ его за горло)*.

Галля *(схвативъ руку Назара)*. Що ты робышь? Убый мене, на, рижь!

(Назаръ молча опускаетъ руки).

Хома *(подбываетъ къ сватамъ)*. Вы бачылы? хотивъ мене задушыты!

(Сваты молчатъ).

Гнатъ *(къ Назару)*. Мы не такъ расплатымося, иншымъ часомъ. Ходимъ зъ сёго базару.

Назаръ. Не пиду! мене видсиль ноги не вынесуть.

Гнатъ. Ну, такъ торгуйсь. Може, дешевше уступлять.

Галля. Боже мій, Боже мій, воны згнуцаються надо мною!

Хома. Не згнуцаються, а торгуются.

Гнатъ. Годи, брате; ходимъ: мы опизнылысь.

Назаръ. Стривай, не опизнылысь. *(Подходитъ къ Хома)*: Просты мене, я старячу забудся. Ты добрый чоловікъ. Просты, або зарижъ мене, тилькы не кажы, що вона не моя, не кажы! Дывысь: я гетьману николы не кланявсь *(Падаетъ на колѣни)*. Для спасенія своей души, колы у тебе у серци йе Богъ, для угоды всехъ святыхъ, колы ты вируешъ

у кого; для спасенія твоеи дытыны, колы вона тоби мыла, зглянься на мене! Нехай старосты зь своимъ хлибомъ ійдуть до-дому. Хрыстомъ Богомъ молю, не занасты іи, бидной! Кращои іи нема; за що ты хочешъ іи убыты? На голову мою! Возьми іи, розбый обухомъ,— не треба мени іи: тилькы дай дочки своїй ще пожыты на свити, не зайидай іи вилу, вона не выновата!

(Хома дрожа поспатриваетъ на гостей).

Гнатъ *(быстро подбѣгаетъ къ Назару)*. Кого ты просышь? кому кланяешься? передъ кымъ падаешь? Я на тебе після сего й дывыться не хочу; прощай!.. Кланяється дїяволу! Винъ тебе кыпячою смолою напоить! *(Хочетъ идти)*

(Назаръ удерживаетъ его).

Галья *(обнимая ноги отца)* Вы покійній матери, якъ вона умирала, била домовыны обещали мене выдать за Назара. Що жъ вы робыте? чимъ я васъ прогнивыла? за що мене хочете убыть? Хиба жъ я не дочка ваша? *(Замиваетъ слезами).*

Назаръ. Каминь! зализо! ты огню хочешъ! Буде огонь, буде! для тебе все пекло вызову... ты жды мене. *(Галю)* Бидна, бидна! въ тебе нема батька, въ тебе катъ есть, а не батько! Бидненька, серденько мое, пташечко моя безпріютна! *(Цѣлуетъ ее)*. А я ще биднійшый тебе; у мене й ката нема, ни-

кому и заризаты! Прощай мое сердце, прощай! не забарымось побачыться. *(Галья безмолвная падаетъ на руки Назара. Онъ цѣлуетъ; Хома силится вырвать ее. Назаръ отталкиваетъ его и снова цѣлуетъ Галю)*.

Назаръ *(къ сватамъ)*. Розскажить полковнику, що бачылы и що чулы. Скажите, що ёго молода пры вашихъ очахъ цилувалась зо мною. *(Галья обнимаетъ его и цѣлуетъ)*. Бачыте, бачыте! Прощай же, мое сердце, моя голубочко! *(цѣлуетъ ее)*. Я знаю, що мени робыть. Я знайду правду. Прощай! вернусь, сподивайся.

(Галья падаетъ безъ чувствъ. Назаръ, закрывъ лицо руками, удаляется. Гнатъ и козаки за нимъ. Хома и Сваты подбѣгаютъ къ Галю).

АКТЪ ВТОРОЙ.

Внутренность простой хаты, опратно убранной. На столѣ горять свѣчи.
Хозяйка прибираетъ около печки.

Хазяйка. Господы, Господы! якъ подумаешъ, колы ще мы дивувалы, зачуешъ де-небудъ вечерныци, такъ ажъ тыны трицять; а теперь... отъ, скоро и трети пивни заспивають, а вечерныци ще й не зачыналысь. Нехай воно хочъ и свято, звисно—колядують, а все-такы часъ бы. Ни, що не кажы, а свить переминывся. Хоть бы и Запорожци... ну-

яки вонь Запорожци? Тьфу на ихъ хысть та й годи! Чи таки булы попереду? Якъ налетять було зъ своей Сичи, такъ що твои орлы-соколы! Було якъ схопыть тебе котрый, такъ до земли не допу-стыть, такъ и носыть... Ой-ой-ой! куды то все дивалось?...

(Покачавши грустно головой, поетъ).

Зоря зъ мисяцемъ надъ долиною

Постричалася;

Дожидалася до билои зори,

Не диждалася;

Я до дому прійшла, гирко плакала,

Не молилася, —

Нерозумная, неутишная

Положилася,

Ой не спала жъ я, все верзлась мени

Ничка темная,

И вишневый садъ, очи карьи,

Бровы чорныи.

На зори, зори я прочнулася

И сказала такъ:

За Дунай-рику чорнобровый твій

На гнидимъ кони

Полетивъ орломъ!... Я все плакала,

Все сміялася.

И до-дому козаки зъ-за Дунай рикы
Заверталыся.

Не вернувся мій.. молоди лита
За що трачу я?

Зоря зъ мисяцемъ постричалася —
И заплачу я.

Точнисинько моя доля! Неначе сю писню про мене зложылы. Де мои молоди лита? и слиду нема, мовъ поверхъ воды поплылы. (Помолчавъ), Що жъ се справди ниhto не йде? А вже мени ся навижена Стеха! пишла за дивкамы, та десь и застряла зъ козакамы. Извела жъ ихъ нечыста маты докупы! Нехай бы сей Кычатый бувъ парубокъ, а то жъ уже старый чоловикъ... Не взявъ бы винъ соби въ клюшныци не молоду, а розумну, вирну, дотепну до всякаго дила та стареньку! а то... якъ та дзыкга, такъ и снуе. Якъ-то винъ дочку свою ще пристроить? Бачъ, у полковныци лизе! Чи довго жъ то вона будетъ любоватыся ёго лысыною замисть ясного мисяця? Охъ, охъ! стари, стари! сыдять бы вамъ тилько на печи та жувать калачи; такъ ни, давай имъ жинку, та ще молоду. Якъ же бакъ, чи не такъ!.. Отъ Стодоля—молодець! я ёго знаю, винъ протопче стежку черезъ полковнычий садокъ. Та й дурный бы бувъ, колыбъ не протоптавъ. Про

себе скажу, що... тее... хтось иде!.. Заразь, Заразь!
Насылу! (*Отворяетъ дверь*).

(*Входятъ Назаръ и Гнатъ*).

Хозяйка. Святъ, святъ, святъ! Видкиля се, якою дорогою, якимъ витромъ, якимъ шляхомъ занесло васъ у мою хату?

Гнатъ. Не пытайся, голубко, стара будешъ, хочъ се, признаться, и не прыстало твоій пыци. Чого же ты такъ насупылась?

Хозяйка. Сидайте, будьте ласкави, сидайте!

Гнатъ. Ну, годи жъ, не сердься. Мало чого зъ языка не сплыве! Не все треба переймать, що поверхъ воды плыве. У тебе сѣгодня вечорныци?

Хозяйка. Хиба жъ наши вечорныци для васъ? Вы такъ тилько прыйшли—посміяться.

Гнатъ. Такъ-таки и посміємося, колы буде весело.

Хозяйка (*глядя на Назара*). Буде весело та не всимъ

Гнатъ. Ну, се вже описля побачымо. А помы —ке намъ чого-небудь такого, для чого чаркы роблять, та й зубамъ пошукай работы. Проклятый скряга и повечеряты не давъ. Ну, чого жъ ты ротъ роззявила? Мерщій!

Хозяйка. Заразь. (*Отходя*). Бидненькій Назаръ! (*Достаетъ съ полки флагу съ виномъ и закуску и ставитъ на столъ*).

(*Назаръ печально смотритъ на Гната*).

Гнатъ (*къ Хозяйкѣ*). Теперь же знаешъ що? визьмы митлу та меты, выясны хорошенько мисяць: бачъ, якъ насупыло! А мы тымъ часомъ побалакаемъ, що треба.

Хозяйка. Що се, Богъ зъ вами! хиба я видьма?

Гнатъ. Я такъ, навманя сказавъ. Заткны пальци въ уха. Чи второпала?

Хозяйка. А!.. вы хочете нышкомъ побалакаты. Добре, я пиду по Стеху. (*Надѣваетъ свиту и уходитъ*).

Гнатъ (*посмотрѣвъ ей въ слѣдъ*). Пишла. Ну що жъ дывышся на мене, мовъ не пизнаешъ?

Назаръ. Теперь бы й ридного батька не пизнавъ.

Гнатъ. Розумни люде усе такъ роблять: и въ хоромахъ, якъ у хати мужыкъ. (*Наливаетъ рюмку и подноситъ*). Не хочешъ? якъ хочешъ! А я совитувавъ бы чарочку-другу адамовыхъ слизокъ, якъ казавъ було отець окономъ. Не забудь Братський монастырь?

Назаръ. Ни, скажы лучше, на-що ты мене повивъ сюды?

Гнатъ. На те, щобъ побалакаты зъ тобою, якъ зъ козакомъ, а не зъ бабою. За козацьку волю и розумъ! (*Выпиваетъ*).

Назарь. Щасливый ты чоловікъ!

Гнатъ. Ты щасливійший мене.

Назарь. О, якъ бы ты посыдивъ у мой шкури!
Ходимъ, Гнате! мени тутъ душно.

Гнатъ. Стривай, ще рано. Подывимся, якъ
люде добри веселяться, та посовитуемся куды йты.

Назарь. Мени одно, куды не поведешъ.

Гнатъ. Ты впьять баба. Чи прыстали жъ
козаку таки речи?

Назарь. Гирко мени, Гнате! ты смієшься, а
въ мене печинкы верне. Хиба жъ мое горе сми-
шить тебе?

Гнатъ. Смишить.

Назарь. А я думавъ,—ты добрый чоловікъ.

Гнатъ. А я думавъ—ты козакъ, а ты, бачу,
баба. Ну, скажы мени, чого ты дурієшь? де твій
розумъ? Чи стоить же жинка, хочъ-бы вона була
дочка немецкого цезаря, чи стоить вона такого
дорогого добра, якъ чоловічий розумъ?

Назарь. Стоить.

Гнатъ. Брехня! Ты знаєшь, въ яку цину
поставивъ царь Соломонъ золотый плугъ? Вивъ
каже, що пры нужди шматокъ хлиба дорожче зо-
лота. А я скажу: чарка горилкы козаку мылійша
усихъ жинокъ на свити.

Назарь. Ты мене, Гнате, морочышь, а мени
теперь треба шырого друга.

Гнатъ. Добре. Я винъ и есть, бо кажу правду.
А колы хочешъ, то й брехать почну для тебе. Все,
що хочешъ.

Назарь. Не смійся, а диломъ кажы, що ро-
быть мени. Тоби можна и говорыть, и думать.

Гнатъ. Ось-що. Першь усёго, выпый горилкы,
Вона и безъ мене наведе тебе на розумъ. (*Нами-
ваетъ рюмку*). Чи не забудь ще ты, якъ розумно
розсужда латыньскый виршыкъ... якъ пакъ ёго...
ну той, за якого мене въ Братстви выпарылы риз-
камы, якъ отець ректоръ пїмавъ у мене за халявою
ёго мудри вирши. Винъ каже: „Дурныця все, опричь
горилкы, а иноди и жинка пидъ руку“. Оце такъ!
(*Выпиваетъ*).

Назарь. (*презрительно*). Бидный ты, сердеш-
ный чоловікъ! Я думавъ, що въ тебе хочъ крыхта
йе добра, а въ тебе нема й того, що мае й ско-
тына. О, якъ-бы ты змигъ заглянуть сюды (*указы-
ваетъ на сердце*), куды самъ Богъ не загляда! Та ни!
може ты тилькы такъ кажешъ. Другъ ты мій доб-
рый, вирный мій, ты жъ такы плакавъ колы-не-
будь: плачь зо мною теперь; хочъ прыкынься та
плачь. Не мучь мене! Въ мене видъ горя сердце
рветься! Нехай вже ти сміються, що жывуть у

пекли: имъ любо; а ты жъ такы чоловікъ. (*съ участіемъ смотритъ на него*).

Гнатъ. Такъ, я чоловікъ; а ты й справди баба, ще разъ тоби скажу: ка-зва за чымъ вбываешся.

Назаръ. Нема у тебе серця, каминь ты!

Гнатъ. Якъ хочешъ, такъ и думай, а я несчастнійшый одъ тебе, нещаснійшый одъ твоеи собаки; вона лащиться до тебе, а ты ии кохаешъ, а я?... И я, дурный, колысь любовь и къ гадынамъ жинкамъ ласкався, рыдавъ горячымы слезамы, радъ бувъ и жизнь оддать за ныхъ... и що изъ того? чи хочешъ знаты?

Назаръ. Не треба, не хочу, не говоры! у тебе нема Бога въ серци.

Гнатъ. А бувъ колысь, та мохомъ сердце обросло, якъ той гнылый никчемный пенъ дубовый. Прыйде и твоя пора, все згадаешъ. (*Ласково*). Годи жъ тоби, годи! не дывысь такъ хмарно: далеби, не полегша. Дурныця все: и товариство, и любовь,— дуръ имъ! нема ихъ на свити. Одни дурни и диты вирять латынськимъ виршамъ. А лучче поговоримъ о дили, а тымъ часомъ налетять сорокы черноброви, выпьемъ, пожартуемъ, и вирь мени—вся дуръ изъ головы вылететь. Я се знаю: мене лыхо навчыло.

Назаръ. (*оставая изъ-за стола*). Та и я изви-

давъ горе, та ничому не навчывся; тебе жъ не хочу слухать: ты злійшый діавола. (*Хочетъ идти*).

Гнатъ. Куды жъ ты?

Назаръ. Зъ тобою: холодно, пиду у пекло погриться.

Гнатъ. Стривай, ты самъ не знайдешъ. Я шляхъ тоби покажу.

Назаръ. Найду й самъ.

Гнатъ. (*удерживаетъ его*). Ты й справди хочешъ иты? Скаженный, ты зъ глузду зъйихавъ!

Назаръ. Я никому не дамъ себе въ обыду; и дурного совиту не послухаю. Пусты мене.

Гнатъ. Насылу прочунявся. Та куды жъ ты, навиженный?

Назаръ. (*вспыльчиво*). Мовчы, а то тутъ тоби и аминь.

Гнатъ. (*не выпуская руки Назара*). Такъ и я зъумію, та що потимъ? Зъ холоднымъ мертвецемъ у домовину?

Назаръ. Хочъ до чорта у пекло! Пусты мене, я пиду у Чыгырынъ до полковныка.

Гнатъ. Чого.

Назаръ. Убью ёго!

Гнатъ. А якъ не вбешъ, тоди що? чи не мусышь ублагать ёго видкнуться видъ Гали? га?

Назаръ. Такъ, чи не такъ, а я пиду.

Гнатъ. До дьявола въ гости! Чи не лучше-жъ, замисть пузатаго полковныка, обняты тонкый та гнучкый станъ Галя? Не хмурся та послухай, та робы такъ, якъ я тоби скажу, бо ты сёгодня ничего путнёго не выдумаешъ.

Назаръ. Що дальше?

Гнатъ (*осматриваясь*). Чи глухи тутъ стины?
(*Въ помолоса*). Украдьмо Галю, отъ и все. Чи добре?

Назаръ. (*немного помолвав жметъ руку Гната*). Просты мене...

Гнатъ. Ну, що ще?

Назаръ. Ты певный другъ!

Гнатъ. Ну, объ сёму послы. Кажы, такъ, чи не такъ?

Назаръ. Такъ! Я весь твій: говоры, приказуй.

Гнатъ. Слухай же. Вона, звисно, выходыла до тебе колы-побудъ пизно вечеромъ у садокъ, хоть, може, й не одна?

Назаръ. Зъ клюшныцею.

Гнатъ. Суща коханка! Чи не завалаясь у тебе въ кышени якый червинець?

Назаръ. Два.

Гнатъ. Ще лучше. Се жъ буде клюшныци на сережки, а плахту на словахъ обещай. Тилькы домовся зъ нею такъ, щобъ вона про мене не знала, бо жинкы нагомо вси цокотухы: не для ихъ выга-

дано слово „мовчаты“; до того ще й дорожче запросить.

Назаръ. Ничого не пожалую, усе видамъ, що въ мене йе. Де тилько клюшныцю побачу?

Гнатъ. Вона буде тутъ. Адже ты чувъ, якъ лайла хазяйка Стеху, за те, що довго барыться? Гляды жъ, зробишь тутъ усе, якъ треба, а я дождытатому васъ крїй старои корчмы съ тройкою добрыхъ вороныхъ. Знаешъ за садкомъ, на старій дорози!

Назаръ. Знаю.

Гнатъ. Сю корчму и днемъ люде хрыстючысь обходятъ, а въ ночи ни хто не посміе; такъ кращого мисця ничего й шукаты; тилькы порайтесь моторнійшъ

Назаръ. А якъ вона не захоче,—що тоди?

Гнатъ. Хто? клюшныця, чи...

Назаръ. Та й та, й друга.

Гнатъ. Захочуть обыдви, тилько ты зъумій согласыты. Клюшныця за червинця пиде колядувать хоть до самого сатаны; а Галя въ одній сорочци пиде зъ тобою на край свита; а якъ се дуже далеко, такъ ты спровадь ии на Запорожжя, а тамъ и самъ гетьманъ не бильший одъ чабана. Адже ты не выпысувавсь изъ запорожцивъ?

Назаръ. Ни.

Гнатъ. Такъ якого жъ злыдня ще хотить? А хто пакъ у тебе куриннымъ отаманомъ.

Назаръ. Сокорына.

Гнатъ. Знаю! о, голинный, завзятый чоловік! въ кирци воды діавола утопыть, не то-що въ Днипри. А! здається хтось иде.

Назаръ. О, якъ бы твое, брате, слово та Богу въ уха!

Гнатъ. Нема на свити ничего легше: тилькы повеселій, будь козакомъ. Мовчы. (Громко). Ну, выпьемъ жъ чарочку за шынкарочку. (Пьетъ).

Хозяйка. Якъ же я утомылась, насылу найшла и, прокляту Стеху!

Гнатъ. А що, змахнула пыль съ мисяця?

Хозяйка. Смійтесь, а воно и справди погода утыхомырылась.

Гнатъ. Оце жъ тобі за труды. (Подаетъ чарку).

Хозяйка. Цуръ ёму, якъ я втомылась!... Ни, спасыби! не пидъ силу... Хиба вже для васъ. (Пробуетъ по немножку. Гнатъ знакаи проситъ. Она, въ притворствѣ усилій и кривляній, выпиваетъ, а остальные капли хлещетъ въ потолокъ). Щобъ ворогы мовчало и сусиде не знали! (Отдаетъ чарку).

Гнатъ. (подноситъ Назару; тотъ отказывается знакомъ). Не хочешъ—якъ хочешъ. А мени здається, що и на свити нема такого горя, якого бъ не можна

було утопыть въ чарци горилкы. Чарка, друга и — чорта у воду. Такъ, Катерино?

Хозяйка. Якъ кому иншому, то и кварта не поможе.

Гнатъ. (Назару). А ты справди не будешъ пыть?

Назаръ. Не буду.

Гнатъ. Вольному воля, спасенному рай. За твое жъ здоровья! (Выпиваетъ). Праведно спивається въ тій писни, що каже, колы бъ мужыку не жинка, не знавъ бы винъ скукы, колыбъ не горилка, де дивать бы муки? Такъ у горилку ии прокляту, у горилку! Розумный чоловікъ тебе выдумавъ, такъ! (Къ Назару). Та на тебе брыдко и дывыться. Ну, ще жъ одну та и годи вже. (Наливаетъ). Чи втямки тобі, якъ мы втикалы зъ Братського на Запорижжя та по дорози зустрілы одну чернобровеньку, и ты чуть-чуть бувъ не проминявъ запорозьской воли на ии чорни бровы? Бачъ, ты забувъ! а я такъ все запрошедше знаю, та и що буде одгадаю.

Стеха. (вбѣгаетъ второпягъ). Охъ, моя матинко, якъ утомылась! Шуточкы! оббигала уси усюды! (Осматриваясь). Охъ, Боже мій! я и не бачу. Добры-вечиръ вамъ! Отъ вже и не думала, и не гадала! Спасыби, спасыби! не погнушались нашихъ слобидьськихъ вечорныцъ. Такъ уже и не здывуйте: у насъ усе абы-якъ: не те що у васъ у Чыгырыни

Гнатъ. Та у васъ ще краше.

Стеха. Годи бо вамъ сміяться

Хозяйка. Чи прійде жъ хто?

Стеха. Якъ же? усе прійдуть.

(Гнатъ беретъ за руку хозяйку и отводитъ въ сторону. Назаръ встаетъ изъ за стола и подходитъ къ Стехѣ).

Гнатъ. *(къ хозяйкѣ).* У мене щось голова розболілась; пиду подивлюсь, який місяць. Чуешъ? а про кобзаря, мабуть и забулы. Збигай лышень. Безъ ёго и гульня не гульня.

Хозяйка. Стехо! ты звала Кырыка?

Стеха. Моя матиночка и забула. Я заразы збигаю.

Гнатъ. Впьять де-небудь застрянешь... Збигай лучше сама.

Хозяйка. Добре. *(Хозяйка и Гнатъ уходятъ).*

Назаръ. *(беретъ за руку Стеху).* У мене йе прозьба до тебе, Стехо

Стеха. Знаю, знаю, яка прозьба: — сказать паночки, щобъ выйшла до васъ, якъ панъ засне; та теперь тилькы не те вже, що перше було. Адже вы сами знаете, що незабаромъ зробылось.

Назаръ. Се не помишае; мени тилькы одно словечко сказаты. *(Даетъ ей червонецъ).* На тоби; ще и плахта буде, колы услужышь.

Стеха. *(принимаетъ червонецъ).* Не прыдумую,

якъ-бы се зробыты. Лыха година те, що старый цилисиньку ничъ очей не заплющыть. Сердешна панночка! а якъ я плакала, якъ просыла! ни, такы на своему поставывъ старый сатана.

Назаръ. Такъ ты зробышь? дожыдаты?

Стеха. Зроблю, зроблю, тилькы...

Назаръ. Не бійсь! бильшь копы лыха не буде. А колы хочешъ, то и ты зъ нами. Ну-лышень. чкурнемъ.

Стеха. Куды зъ вами?

Назаръ. Туды, де лучше жыты, де будешъ ты панією, а не клюшныцею: чы второпала?

Стеха. Глядять, чы не дурыте вы мене? И справдидумають, що якъ вони багаты, такъ усе и ихъ.

Гнатъ. *(за сценою).* Катре, Катре! а погляды, що се на місяци?

Голосъ хозяйки. Хйба не знаете? братъ брата на выла пиднявъ.

Гнатъ. Якъ же се? Далеби, я не чувъ.

Хозяйка. Нехай у хати розскажу, я змерзла.

(Впродолженіе этой разговора Назаръ объясняется со Стехой знаками и шопотомъ. Стеха дѣлаетъ утвердительный знакъ и отходитъ. Входятъ Гнатъ и хозяйка).

Стеха. А хйба жъ вы сѣго не знаете?

Гнатъ. Або забувъ, або и зовсимъ не знавъ; не згадаю.

Стеха. Такъ ось бачьте, якъ воно. Якъ Хрыста дочыталысь. старшый братъ на велькѣ-день, колы ще добри люде на утрени стоялы, пишовъ пидкинуть воламъ сина, та замисть сина проткнувъ свого меншого брата: такъ ихъ Богъ такъ и поставивъ у-купци на мисяци, на выдъ усѣму хрещеному мыру, щобъ бачылы, що и скотыни грихъ йисты у такый велькый правныкъ, поky пасокъ не посвятыть, а не то що людымъ.

Хозяйка. *(насмѣливо)*. Ачъ, якъ мудро прочытала!

Гнатъ. Чудо не дивка! розумна и красыва. *(Обнимаеъ Стезу)*.

Стеха. *(притворно)*. Що се, яки справди безстыдни оци городьски козаки! усе бѣ имъ згнушаться надъ нами та й тилькы. *(Гнатъ цѣлуеъ ее)*. Ну! отъ ище выдумалы що! Неначе се звычайно! Пустить! далеби, закрычу.

(Съ шумомъ входятъ козаки и дьвушки).

Въ голпѣ. Ай да Стеха! Отъ моторна: и тутъ успила! А старый Кычатый?..

Стеха. *(вырываясь)*. Ну, що? поживылысь? Не бійсь, такы не довелось поцидуваты. Хто тамъ горло дере, що успила? Воны тилькы такъ, ничего не зробылы.

Гнатъ. *(къ козакамъ)*. Ну, хто у васъ отаманъ? Чи есть музыкы?

Голоса. И кобзарь, и музыкы.

Гнатъ. А останне: выпить и закусыты?

Голоса. Якъ безъ сѣго? Усе йе.

Гнатъ. А, та й бравый жѣ молодци! що твои чыгырынци! *(Къ дьвушкамъ)*. Котора жѣ изъ васъ пиде зо мною танцюваты?

Голоса. Пропустить, пропустить — музыкы йдутъ!

(Входятъ музыканты-жиды. Впереди слыной старикъ съ козью. Дьвушки и козаки съ безпорядкѣмъ разступаются. Впродолженіе суматохи Назаръ разговариваетъ съ Гнатомъ).

Гнатъ. Будь бо веселійшый, не показуй выду! Стеха зъуміе одкараскаться одъ ныхъ, тилькы намъ зъ тобою треба попереду утикаты. Я, пожалуй, хочъ и заразы пиду, а ты зостанься тутъ поky, — такъ для выду. Та чуешь: не дуже довго женихайся, а мерщій въ корчму; я тамъ буду.

Назаръ. Добре, тилькы и ты проворнійше.

Гнатъ. За мене не бійсь. Дивысь, старый знакомый! Кузьма, якимъ се побытомъ тутъ опынылысь?

Одынъ зъ козакивъ. Зъ хуторивъ до церкви, а вечорныци по духу чуемо.

Гнатъ. Молодци! А вы, жыдова, якъ сюды зайшлы?

Жыдъ. А такъ, сляхомъ. У Цыгырыни нема заробитку, а мы процулы, сцо у пана Къчатого весилля буде, такъ и прыйслы сюды.

Гнатъ. *(всторону)*. Жыдивське ухо! *(Громко)*. А нуте жъ! учыстьте аапорозьского козачка. *(Къ козакѣмъ)*. А зъ васъ хто бойчійшый? ударъ, я подывлюсь, чи такъ, якъ у насъ бывало на Запорожжи. *(Тихо къ Назару)*. Годи, не дурій. Я жъ кажу, усе буде добре.

Назаръ. Чи буде, чи ни, тилькы здилай мылость. не бався тутъ, иды швыдче.

Гнатъ. Поспиемъ ще зъ козамы на торгъ. Не показуйся, будь ласкавъ, такимъ сумнымъ: все вопсуешъ. Подывимся козачка та й годи.

(Удаляются въ глубину и разговариваютъ между собою. Музыканты замирали. Одинъ козакъ выскакиваетъ изъ толпы и пляшетъ козачокъ Гнатъ и Назаръ мѣются).

Гнатъ. Ай да молодець! отъ жвавий! що твій запорожець! *(Танецъ кончается)*. Ну веселитесь жъ, люде добри, гуляйте, хлопци, а намъ уже годи, пора йхать: до Чыгырына не близько, а до свиту треба быть тамъ. Прощайте, козаки! прощайте, дивчата! прощай, хазыйко! А де жъ та... Къчатого?

(Стеха прячется между козаками. Гнатъ, поймавъ, ее цѣлуетъ). Прощай, сердечко мое, моя розумныця, моя красавиця! прощай!

Стеха. *(вырываясь)*. Ай-ай-ай! закрычу, ий же то Богу, закрычу.

Назаръ и Гнатъ *(уходятъ. Хозяйка провожаетъ ихъ)*.

Стеха. *(огорашиваясь)*. Що за народъ такый си козаки! усе бъ имъ цилуваться. Неначе й помоглось. *(Къ Хозяйкѣ)*. Титко, титко! а нумо жъ зъ тобою. *(Пляшетъ и поетъ)*.

Черезъ гору пиду,
Скрыюсь за горою...

На биду,
Де пиду,

Козаки за мною.

Той почне говорить,
Той сержкы дарить.

Кого знаю,
Прывитаю,

Хто сержкы дарить.

Ой сержкы мои,
Мои золотыи!

Сердитесь,
Дывитесь,

Ворогы лыхыи!

Хозяйка. *(вырываясь)*. Охъ, мои возуленькы! по старисти литъ мени бѣ и не подобало.

(Стеха между тѣмъ шалитъ съ козаками, хватая за руку молодого козака и вертясь приплясываетъ).

Хозяйка. Оце, яка жартовлыва! Та перестанешъ ты, чи ни?

Стеха *(пляшетъ и поетъ)*.

Тра-ла-ла, тра-ла-ла!

На базари була,

Черевычкы купыла,

Тры червинци дала,

А четвертый пропыла

И музыку найняла.

Що жъ вы, родымець бы васъ вбивъ! тилькы дурно гроши берете? Кусокъ бы вамъ сала, а не грошей. *(Въ толпѣ хохотъ)*. А де жъ нашъ Кырыкъ? сюды ёго! винъ одынъ лучче усихъ цихъ голодранцивъ. *(Выходитъ Кобзарь)*. Ось винъ, мій голубчыкъ. Ну, лишень, яку-небудь писеньку зъ прыговоркамы, або казочку страховыночку, щобъ цилу ничъ не заснулось.

Кобзарь. Добре, добре. Хочешъ — казочку, хочешъ — писеньку, що любишь.

Голоса. Казку! казку!

Другіе. Ни, писню, та таку, щобъ жыжкы затрусылись. Мы ще не танцювали.

Первые голоса *(и съ ними Стеха паче встѣхъ)*, Натанцюетесь ище, помы до третихъ.

Стеха. До пивнивъ ще не трохы. Казку! *(Къ Хозяйкѣ)*. Казку, титко?

Хозяйка. Звисно. казку, помы ще не такъ пизно; а описля и слухать страшно буде.

Кобзарь. Коны казку, такъ казку; мени все одно.

Въ толпѣ. Перещебетала-тамы цокотуха.

Другой голосъ. Ачъ яка!

Стеха. А що, га! такы перещебетала!

(Кобзарь садится на скамейку. Крутомъ него съ шумомъ и хохотомъ толмятся въ безпорядкѣ казаки и дьвушки).

Стеха. *(Подноситъ Кобзарю рюмку вина)*. Выпный, дидусю, для смилости.

Кобзарь. *(выпивши)*. Спасыби тоби, дивко! *(Прокашлявшись)*. Слухатъ — що йисты, въ горшку не бовтаты, усивъ не мараты, словъ не пропускать, другимъ не мишать.

(Общій лекій шепотъ и смѣхъ).

Стеха. Послухаю, послухаю, чи есть же така страховына, щобъ я злякалась.

Голосъ. Чуешь ты? коны не будешь мовчать, такъ геть соби.

Другой. А то выженемъ.

Стеха. А хто бь, посмивь! Сотныкъ вась усихъ перевишае.

Голосъ. Дзусь ёму, мурому! Гляды щобъ на одной осычыни не повисылы тебе зь сотныгомъ.

Хозяйка. Та замовчить же Бога рады! (*къ Кобзарю*). Кажы, дидусю, кажы; ихъ не переслухаешъ.

Ковзарь (*прокашлявшисъ*). У венгерской стори, у цесарцивъ. за шляхецкою землею, стоить гора висока; а въ тій гори нора глыбока; въ нори сыдыть не звирь, не птыця — турецька цариця. Сыдыть вона сто тысячъ литъ, не молодіе, не старіе, а тилько де-дали зліе; йистъ вона одъ схиць до захидъ сонця—не хлибъ печеный, не курей и не яку-небудь людську страву, а троштыть маленькыхъ дитей, за те, що, колы ще вона була у Турещыни важкою, такъ ий сказавъ арменський знахарь, що вона родыть дочку и дочка та буде, якъ подростве, въ тысячу разъ краще ий. Отъ вона, сиравди якъ родыла дочку, такъ заразъ и зыла ий, та зь того часу сыдыть у нори и невгаваючы усе йистъ дитей; не розбира, хоть хрещени воны, а хоть нехрещени, йистъ усихъ, йистъ тоби всихъ та й годи,—и дивчатокъ, и хлопчыкивъ...

Стеха. (*быстро*). И хлопчыкивъ! ахъ, вона трыклята баба! Щастя ий, що я не знаю тыеи горы.

Голосъ. А що бь ты зробыла?

Стеха. Що? задумыла бь.

Голосъ. Куды тоби, погане!

Другой. Ты й за двери сама боишся выйты.

Стеха. Хто, я?

Въ толпв. Та не мишай же слухать. Нехто жь бильшь, ты!

Стеха. Я боюсь? Хочешъ. заразъ пиду на гробовыще? а колы хочете, такъ у стару корчму, що на старому шляху.

Въ толпв. Прудка дуже! за поригъ не выйдешъ умрешъ.

Стеха. Я вмру! що ставышь?

Въ толпв. Мои музыканты на всю; а ты?

Стеха. Пивъ-видра слывьянky, тры кускы сала и паляныця.

Въ толпв. Добре! тилькы щобъ, знаешъ, слывьянка була зь паньского лёху.

Стеха. Та вже де визьму, до сёго вамъ дила нема, а поставлю. Де мій байбаракъ? (*Надьмаеъ верхнее платъе*). Гляды жь, не цурайся слова. (*Кобзарю*). Якъ я вернусь, такъ тоди докажешъ, дидусю; ато я и не хочу. (*Уходитъ*).

Ковзарь. Добре.

Въ толпв. А щобъ повирылы, такъ прынесы назарь стодоля.

цеглынку або кахлю зъ грубы, або що хочешъ, тилько зъ корчмы.

Стеха. *(за сценою)*. Добре, добре.

Голоса. Отъ дивка голлинна, такъ-такъ!

Другой. Чупрыну їй та усы, тоди хочъ у пекло.

Третій. Такъ подумаютъ, що козакъ.

Хозяйка. Вже козырь-дивка, не вамъ ривня. Отъ же їй пиде; тоди платы.

Голосъ. Або слывьянку лый, а саломъ и паляныцею закусуй.

Хозяйка. Побачымъ, побачымъ, чїя визьме. Чого сыдиты? щобъ не даромъ музыкамъ платыть, ну лышень, поганцюемъ лучше. А ну, вдарьте, та не по жыдивськый, а по нашому.

(Толпа въ безпорядкѣ разступается. Козакъ съ двушкою выходитъ танцовать. Музыканты заирам, и пляска началась. Занавѣсъ тихо опускается).

АКТЪ ТРЕТІЙ.

Внутренность развалинъ корчмы. Стѣны безъ потолка и нѣсколько уцѣлѣвшихъ стропиль. Все занесено снѣгомъ и освѣщено луною. Нѣсколько минутъ молчанїя. Вдали слышна пѣсня; потомъ ближе, ближе, и является Стеха, робко припывая: «Охъ», сережки! Она останавливается у развалившейся печи и съ робкостію осматривается кругомъ.

Стеха. Якъ страшно! Де жъ воны? И коней тожъ не видно. Чи не махнули воны соби? То-то добре! За два червинци продать свое щастя...

(Осматриваетъ слѣды). Ни, опричь моихъ, ничиыхъ не выдко слидивъ. Що, якъ воны обманулы, та другимъ шляхомъ?... отъ тоби ї сотнычка! Побижу мерщій до-дому, чи не подїялось чого тамъ. Розскажуть, що я помогла, — тоди усе пропало. *(Постыпно возвращается)*.

(Навстрѣчу ей Назаръ несетъ на рукахъ Галю).

Стеха. Се вы? А тутъ такъ страшно... Чи не случилось чого?

Назаръ. *(Опустивъ Галю)*. Ничого, не бійсь. А кони тутъ?

Стеха. Ни, я не бачыла.

Назаръ. Збигай подывысь, и якъ нема, то бижы мерщій у слободу, чи не зустринешъ на дорози.

Галя. Стехо! чому жъ ты не йдешъ? Бижы жъ скоришь; батушка прокынетъся! бижы бо!

Стеха. Заразь, моя панночко; для васъ на край свита полечу. *(Постыпно выламываетъ изъ печи изразецъ)*.

Галя. Що ты робышь?

Стеха. Заразь. Се одъ вовкивъ. *(Быстро удаляется)*.

Галя. Ходимъ на дорогу: мени тутъ страшно.

Назаръ. Не можна, мое серденько: тамъ побачать, а сюды ништо не ввійде.

Галя. *(грустно)*. Ну, робы якъ знаешь, а я...

я все зробыла.. Боже на зори прокынешься батюшка.. Охъ, Назаре, Назаре, що я наробыла!

Назаръ. Лучче ничего не можно було зробыть.

Галя. Батюшка мене проклене.

Назаръ. Себе нехай прокынае... Ты змерзла, моя кришечко? Визьмы мою кырею. *(Снимаетъ плащъ и разстиляетъ по стѣну)*. Спочынь, мое серденько; поклады свои ниженькы у мою шапку. *(Галя садится на плащъ. Назаръ вкладываетъ ся ноги въ свою шапку)*. Отъ такъ теплійшь *(цѣлуетъ ее)*. теплійшь, мое серденятко.

Галя. О, мій голубчыку, мій сокиль ясный! якъ мени тепло, якъ мени весело!.. Тилькы я боюсь: батюшка мій такый сердытый.

Назаръ. Не бійсь, моя пташечко, ничего, погы я зъ тобою. Не бійсь, тилькы любви мене. Я подумавъ тоди... колы..

Галя. Колы? Що подумавъ? може, недобре?

Назаръ. Не то, що недобре, та не теперъ згадувать обь чимъ-небудь недобримъ, колы на серци така радисть. А завтра... що завтра зо мною буде? Я вму, мене задушыть мое щастя, мое доля. *(Кладетъ ей на колыни свою голову. Галя перебираетъ его волосы. Назаръ, поднявъ голову, съ нѣжностію смотритъ ей въ очи)*. О, мои очи, мои бари! Поглядить на мене, мои зори ясни! *(Немножко помолчалъ)*. Серце

мое, ты не казала батюшци, що пидешъ замижъ за полковныка? не казала?

Галя. Опьять; Якый же ты, справди!.. Я заплачу. Адже жъ винъ ничего мени не говорывъ о полковныкови, такъ якъ же бъ я ёму сказала?

Назаръ. Бидненька! винъ продававъ тебе, а ты ничего й не знала. Просты ёго. Нехай Богъ мылосердный на тимъ свити за се ёго осудыть и покарае.

Галя. Я молытымусь за ёго грихы. Може, Богъ ему простыть.

Назаръ. Молысь за кого хочешъ, тилькы не розлюбы мене, моя галочко... Я вму тоди.

Галя. Якый ты, чудный! Ты думаешь, що я тилькы такъ тебе люблю. Ни, Назаре, я не люблю, я й сама не знаю, що роблю... Якъ-бы тоби розказать? Ажъ страшно! Знаешь що? Колы я дывлюсь на тебе, такъ мени здається, що ты—такъ се я, а що я—такъ се ты. Такъ чудно; не знаю, одъ чого воно се такъ Колы останусь одна на самоти, то все про тебе думаю, думаю, и мени представыться, що ты въ Чыгырыни передъ гетманськымы хоромами на вороному кони гарцюешъ, а уси гетьманши, полковныци ни на кого бильшь и не дывлятья, опричь на тебе... У мене въ очахъ такъ и потемніе..

Я заплачу, заплачу, такъ важко на серци стане. Одъ чого воно такъ, Назаре, ты не знаешь?

Назаръ. Знаю, мое серденько, знаю! якъ люблю, якъ мени ты говоришь! Промовъ ще разъ, обійми мене. (*Обнимаются, ильцуются*). Ще, ще одинъ останній разъ. (*Въ изнеможеніи кладетъ голову ей на колѣни*).

Галля. Якъ мени весело зъ тобою! Чи воно усе такъ буде весело? скажи мени! Назаре.

Назаръ. (*не поднимая головы*). Увесь викъ!

Галля. Кудъ жъ мы поїдемо?

Назаръ. У рай.

Галля. Я се знаю; та де жъ винъ?

Назаръ. (*поднявъ голову*). Не пытай мене теперъ; я ничего не знаю. Мы поїдемо туды, де нема и nebude ни полковныка, ни батька твого, де тилькы одна воля! одна воля та щастя! О, якъ мы будемо гарно жыты! Збудую тобі хату свитлу, свитлу та високу; розмалую її усякымы красками—и чорнымы, и блакитнымы, и зеленымы—усякымы, усякымы! наряжу тебе въ шовкъ та въ золото, посажу тебе на золотимъ крисли, мовъ кралю, и довго, довго, поky вму, все любоватымусь тобою. Та чи вму жъ я колы-небудь? Ни, я николы не вму! Колы ты будешь зо мною, то смерть не посміе и въ хату нашу заглянуть.

Галля. (*грустно*). Охъ, ни Назаре, не кажи

такъ! Мени страшно стало, и серце такъ защемило, такъ заболело, неначе чье недобру годину, або яке горе.

Назаръ. Яке горе? де воно? Для насъ нема ёго на цилимъ свити.

Галля. Не знаю, Назаре; тилькы мени щось на серци такъ важко, такъ гирко... Я все думала про батюшку.

Назаръ. На-що жъ ты объ ёму думаешь? Не думай, и весело буде. Знаешь, якъ прыйидемо мы у Кодакъ... Се запорожський городъ... Отъ, якъ прыйидемо, мерщій у церкву, повинчаемось; тоди и самъ гетьманъ не розлучить, и будемо довго, довго тамъ весело жыты. Ты будешь писени спиваты и танцювать, а я буду гратъ на бандури и розказувать тобі про славни дила козацьки, про Саву Чалого, про Свирговського, про всіхъ, про всіхъ жвавыхъ козакивъ нашихъ. Дали, мени выгодуешъ сына, молодця чорнобрового, пошлемо ёго въ Сичъ; тамъ поставлю ёго передъ козацькою громадою и скажу: „Любуйтеся, дывитесь—се мій сынъ. Мени ёго выгодувала, выкохала моя Галля, такого молодця!“ що, весело?

Галля. Весело, мій Назаре, мій мыленькый, а серце все такы болить. Мени здається, що батюшка вже прокынувсь и мене шукае.

Назаръ. Богъ-зна объ чимъ думаешъ ты! Осъ заразъ будуть кони, и воны насъ не найдуть, хоть нехай усю землю перевернуть. Не журысь же, моя ластивко.

Галя. Знаешъ що? ходимъ до-дому, розбудимъ ёго, станемъ передъ нымъ на колина.. винъ насъ простыть; винъ мене любыть.

Назаръ. Хиба жъ я ёго не просивъ, хиба жъ не стававъ передъ нымъ на колина! Адже ты бачыла?

Галя. Бачыла, ты просивъ.. Назаре, винъ мій батько!

Назаръ. Лучше бъ не знать такого батька.

Галя. Ты сердыся. Назаре! Не сердся, мій мылий, мій чернобрывый! Подывысь, я весела, я не жалкую, що покынула.. Поцилуй же мене, мій соколе яennyй, орле мій сызокрылый. (*Обнимаются и цьлуются*).

Назаръ. О, моя радисть, мій сонъ чаривный! Не журысь, серденько. Скоро мы полетымо такъ, що не дожене насъ и витерь. А ничъ-то, ничъ! не наче празныкуе наше щастя. Тыха, свитла, якъ твои ясни очи. Ты не боишся? Побудь тутъ одна. Я пиду подывлюсь на дорогу.

Галя. Ни, не боюсь.

Назаръ. Чого жъ ты зновъ зажурылась?

Галя. Такъ, ничего. Я згадала покійныцю

няньку. Вона мени розказувала, що въ сій корчми давно якый-то запорозьскый старшына ночувавъ, а на другый день нашлы ёго въ Тямыни; и що тутъ Богданъ зустрічавъ сына своего Тимофія, якъ козаки везлы ёго зъ Молдавіи, покрытого червоною кытайкою, и що тутъ запорожци выризалы жыдивъ. Зъ тїи годыны нихто въ їй не живъ: усе ничью ходять мертви жыды.. Ухъ, якъ страшно тутъ!

Назаръ. Тоби твоя нянька Богъ зна чого наговорила.

Галя. Вона божылась, що правда. Не ходы, лучше останься зо мною, або ходимъ обое. Мени важко и на мынуточку розризныться зъ тобою.

Назаръ. Я не пиду.. Ты не змерзла?

Галя. Ни, твоя шапка така тепла (*Снимаетъ шапку съ ногъ и цьлуетъ ее*). О, моя мыла шапка! Надинь їи, и ты замерзь.

Назаръ. Надинь ты. Я подывлюсь на тебе, яка ты въ козацкій шапци. (*Она надъваетъ шапку Назаръ лобуется*). Чудо!.. Чорни усы, шаблю дамаську, пистолеть за поясъ—и козакъ хочъ куды. (*Цьлуетъ ее*). Козаче мій чернобрывый!

Галя. (*Надъваетъ ему шапку*). Оттакъ краще! Постій, я прышпылю стѣнжку. Знаешъ, якъ на весилли бува у молодого?

Назаръ. Се ты ше й завтра зробишь..

Г а л я. Охъ тривай! я й забула. Адже я такы взяла зъ собою и хустку, що для тебе вышивала. *(Вынимаетъ изъ-за пазухи бѣлый, шитый краснымъ шелкомъ, платокъ и подаетъ Назару)*. Що хорошый? Я сама вышивала и гроши на шовкѣ сама заробляла.

Н а з а р ь. Спасыби сердце мое!

Г а л я. Чи не заспивать оце писню про хусточку, що я въ Чыгрыни у дядыны чула?

Н а з а р ь. Колы весела, заспивай.

Г а л я. Ни, не весела, та мени сыдять уже остыло. Слухай же. *(Выходитъ на край сцены)*.

(Назаръ стоитъ задумавшись).

Г а л я. Чого жъ ты зажурывся? То не треба було бѣ и спивать

Н а з а р ь. Ничого, сердце мое. Возьмы свою хустку. *(Подаетъ ей хустку)*. Завтра знову подаруешь.

Г а л я. На-що вона мени? Розирвы, колы вопа тоби нелюба; я другую вышыю. *(Печально)*. Тилькы не знаю, колы. *(Плаче, помовчавши)*.

Н а з а р ь. Не плачь, мое сердце. Дывысь, я не журюся.

Г а л я. Не журышся? А чого жъ ты плакавъ? Ты щось знаешь, та не хочешь сказать. Скажи жъ, мій голубе, мій орле сызокрылый, скажи, мое сердце!

Н а з а р ь. Знаю, знаю, моя голубко, що я найщасливѣйшый на свити.

Г а л я. Ба я щасливѣйша за тебе. Николы жъ не буду спивать про хустку; цуръ ей!

Н а з а р ь. Я тебе вывчу другу, веселу-веселу та хорошу.

(Дыляться одно на другого и цілуются. Хома и Стеха крадутся изъ-за шкапы).

Х о м а. Сюды! ось де вони! сюды!

Г а л я. Батько!... Пропала я!

С т е х а. *(Пробігаетъ коло них)*. Полковныця! полковныця!

(Назаръ мозкы бере лѣвою рукою Галю, а правою вымае шаблю. Хома торопко веде на ея челядь. Стеха ховається).

Х о м а. *(скаженіе)*. Цилуйтеся, цилуйтеся, голубьята! *(До челяди)*. Кыямы его, собаку! Чого жъ стали? Берить, рвить ёго!

(Челядь торопіе).

Н а з а р ь. Хто хоче въ домовыну, выступай на мене. *(До Хома)*. Ты чого хочешь?

Х о м а. Смерти твоеи, злодію!

Н а з а р ь. На-що жъ ты собаками цѣкуешь? возьмы самъ, колы хочешь.

Х о м а. Я рукъ паскудыть не хочу. Берить ёго! О, песь поганый! я розирву тебе!

(*Бьются на сабляхъ*).

Галля. (*пада міжъ ними на коліна*). Тату, тату! убый, убый мене! вынна я; прогнівила тебе... Убый же мене, таточку, та не беры зъ собою!

Хома. Цыть, кошени крадене!

Назаръ. (*Хома*). Цыть, сатано люга!

Хома. Дочку отдай!

Галля. Не отдавай, не отдавай! я утоплюся!

Хома. Топысь, гадыно, покы не растоптавъ я тебе.

Галля. Топчы, души мене: я твоя дытына!

Хома. (*до челяди*). Берить ёго! Я васъ перевишаю! я васъ золотомъ окую.

(*Челядь порывається на Назара*).

Галля. Одурить! одурить!

Хома. Не одурю! Не скавучы, зиньке шеня!

(*Напада на Галю. Назаръ заступа їм. Челядь напада на Назара зъ-заду и крутить ему руки*).

Хома. Ха-ха-ха! вовче, вовче! чому жъ ты не рвешь насъ?

Назаръ. Цыть, жабо погана!

Галля. (*передъ Хоמוю на колінахъ*). Тату, тату, кате мій! я розирву тебе—я день и ничъ плакатымусь на тебе! Танцювать, плакать буду! Чого забажаете, все робытиму—не вбивай его! Я за полковныка пиду..

Назаръ. Галю!

Галля. Ни, ни... (*Зомлила падає*).

Хома. (*до челяди*). Чого жъ вы дивытесь? Нехай здыха, собака, а вы тымъ часомъ шкуру звимить.

(*Челядьницею замагнувъ кыемъ на Назара*).

Хома. Стривай! мы не татары. За що ёго убывать? Чи есть у кого вирёвки, поясъ, або налыгачъ,—що-небудь, скрутить ему руки й ноги.

(*Челядь крутить поясы Назара*).

Стеха. (*падає коло Гали зомлилою*). Охъ, моя пташечко, моя лебедочко! Чи я жъ знала, що такъ станеться? Прокынься, моя возулечко, моя ластивочко!

Хома. Оттакъ добре! Теперь завьяжить ёму ротъ. Отъ, доладу: у ёго, здається, ще й хустка у руци. Чи не весильна? Добре, здалась такы на що-небудь.

(*Завлязують хусткою ротъ*).

Хома. Не туго, щобъ стогнавъ. Морозъ хоть и лютый, та, може, выдержыть. А вже, якъ вовчатичка нападе... а вовкы здалека пожыву чують... отъ буде снідання, начысто гетьманське! Теперь положить ёго на билу перыну—нехай проспыться та подумаетъ, зъ кымъ жартуетъ.

(*Челядь кладє Назара на снигъ*).

Х о м а. (на Галю). А ця учадила... возмиць ій до-дому... прочумаецься.

(Челядь бере Галю на руки и несе зъ собою).

С т е х а. (бере Хому за руку и веде ея за Галю). А що? скажешъ, що не люблю тебе?

Х о м а. Спасыби, спасыби. (До Назара). Оставайсь здоровъ, прыятелю! не згадуй лыхомъ. Нехай тоби прысняться рушныкы.

(Хома зъ Стехою шепчуться и пропадаютъ. Назаръ тыхо стоице. Незабаромъ чуты за сценою юминь).

Г о л о с ь Х о м ы. (здалека). Кыньте іи! вяжыть ёго!

Г н а т ь. (за сценою). Я тебе звьяжу, недовирку проклятый!

(Незабаромъ выбіае Галя и кыдаеця до Назара).

Г а л я. Орле мій! сердце мое! (Розвязуе хустку).

Н а з а р ь. Душно мени, душно!

Г н а т ь. (веде за ируды Хому). Останній разъ говорю: оддасы Галю за Назара, чи ни?

Х о м а. Ни!

Г н а т ь. Здыхай же, собака скажена! (Замірьовсь шаблею).

Х о м а. Стривай. Ты знаешъ нашъ законъ козацькый, то...

Г н а т ь. Що мене жывого поховають зъ твоимъ

падломъ? Знаю. (До челяди). Копайте яму. (Цилыть пистолетомъ).

Х о м а. Вяжыть ёго!

(Тымъ часомъ Галя розвязуе руки у Назара)

Н а з а р ь. О, доле моя! сердце мое!

Г н а т ь. Копайте яму! (До Хомы, прыцильившись). Лукавый чоловиче, за що безъ сповиди ты себе губышь и мене зъ собою? Прощайсь зъ билымъ свитомъ, молись Богу. (До Назара). Назаре, брате мій, друже мій! поховай мене. Прощай! а мы...

Н а з а р ь. Стривай!

Г а л я. (до Гната). Стривай!

Н а з а р ь. Пусты ёго, не вартъ винъ того. Не напасты души своей. (До Хомы). Иды, лукавый чоловиче, иды, куды знаешъ. Не помигъ тоби Богъ занапастыть мене; а я чужою крови не бажаю. Иды соби!

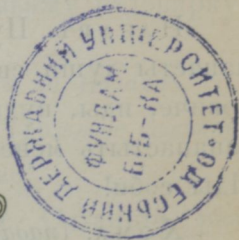
Х о м а. (пада передъ Назаромъ). Назаре! сыну! батьку ридный! зарижъ мене, замучъ мене, на коняхъ розирвы, та не прощай! (Падае до ницъ и плаче). О, я лукавый, лукавый! о, я гришний, проклятый!... Дочко, доле моя! сердце мое! просы ёго, нехай убье, нехай я свита не паскужу. (Зиньву плаче). Боже мій, Боже мій!

Н а з а р ь. (Підводыть ея). Устань, молись Богу.

гришний. Колы прощаютъ люде, то Богъ мылосты-
війшый насъ.

Х о м а (вставши, утирае слезы). О, слёзы слёзы!
Чомъ вы перше не лылыся? Назаре, я чернець...
спокутую въ рясѣ мои беззаконія! Беры мое добро,
беры мою Галю, беры все мое! Галю! Назаре! об-
нимитесь, поцилуйтеся, диточки мои. Я хочъ и
гришний, а все такы батько. (Назаръ и Галя обни-
маются). Боже васъ благословы.

362251.

1948

И. А. РОЗОВА

КІЕВЪ, Крещатикъ, домъ || ОДЕССА, Дерибасовская ул.,
Марръ. || противъ городскою сада.

Продаются слѣдующія книги:

- БИЛЕЦКІЙ—НОСЕНКО. Горпинида, чи вхопленная Прозерпина, жартливая поэ-
ма. Въ 3 писняхъ. Кіевъ, 1871 г., ц. 30 к.
- ЕГО-ЖЕ. Гостинець землякамъ. Казки слипого бандуриста, чи спивы объ риз-
нихъ ричахъ. Кіевъ. 1871 г., ц. 1 р.
- ЕГО-ЖЕ. Приказки Въ чотирохъ частяхъ. Кіевъ. 1871 г., ц. 2 р. 50 коп.
- САЛКА ПЕРЕМІЯ. (Костомаровъ) Збирникъ творивъ. Одесса. 1875 г., ц. 1 р.
75 коп.
- ЕВГЕНЬЕВЪ В. Розмовы. Кіевъ. 1873 г., ц. 30 коп.
- ЗНАХАРКА. Оповідання Днипровою Чайки. Одесса. 1885 г., ц. 5 коп.
- КОТЛЯРЕВСКІЙ И. П. Полное собраніе сочиненій. Изданіе безъ пропускавъ.
1889 г., ц. 75 к.
- ЕГО-ЖЕ. Наталка Полтавка. Украинская оперетта въ двоухъ діяхъ. 1889 г., ц.
25 коп.
- ЕГО-ЖЕ. Москаль Чаривникъ. Малороссійскій водевилъ въ одинъ діи. 1889 г.,
ц. 25 коп.
- ЕГО-ЖЕ. Вергиліева Энеида. На украинску мову перелыцевана. 1889 г., ц.
50 коп.
- КОЦИДИНСКІЙ А. Писни, думки и шумки руського народа на Подоли, Укра-
ини и въ Малороссіи. Опысани и переложени пидъ музыку. Кіевъ. 1885 г.,
ц. 50 коп.
- ЛЕВИЦКІЙ М. С. Повісти. 1874 г., ц. 1 р. 50 коп.
- ЛИСЕНКО М. Черноморци Оперетта въ 3 картинахъ. Музыка М. Лисенка по
Кухаренку. Кіевъ. 1885 г., ц. 25 коп.
- НЫВА. Украинскій литературный збирникъ. Одесса. 1885 г., ц. 1 р.
- ОССОВСКІЙ Г. Мотруня. Оперетка въ 1 мъ дѣйстви на малороссійскомъ язы-
кѣ. Подражаніе французскому. Житомиръ. 1867 г., ц. 60 к.
- ОЧЕРЕТЯНИЙ Н. Оповідання. Кіевъ. 1881 г., ц. 10 к.
- ПІСКУНОВЪ Ф. М. Малороссійско-Червонорусскій словарь живаго и актоваго
языка. Изд. 2-е. Кіевъ. 1882 г., ц. 1 р. 50 к.
- РАЕВСКІЙ П. Сцени и рассказы изъ малорусскаго народнаго быта. Третья
книжка, 2-е изд. 1887 г., ц. 75 к.
- РУЦИНСКІЙ В. Голось украини (послѣ—1861 года). Кіевъ. 1872 г., ц. 60 к.
- СТАРИЦЬКІЙ. Рада, украинскій альманахъ. Частына перша на 1883 рикъ,
ц. 2 р. Частына друга на 1884 рикъ. ц. 1 р. 30 к., г. Кіевъ.
- ЕГО-ЖЕ. Утоплена. Оперетта въ 3 діяхъ, 4 картинахъ. Одесса. 1885 г., ц. 40 к.

Кромъ того имѣется большой выборъ малорусскихъ книгъ.

Въ магазинахъ И. Розова и Б. Корейво и въ
другихъ книж. магазин. Одессы продаются:

Ныва, украинскій альманахъ. Одесса 1885 г. ц. 1 р
Оповідання про комахъ. О. Степовика. К. 1883 г
50 коп.

Общепонятные рассказы о полезныхъ и вредныхъ
насекомыхъ. О. Степовика. 1883 г. ц. 50 к

Простые рассказы о садоводствѣ, огородничествѣ
и полеводствѣ, составилъ А. Комаровъ. ц. 30 к

Народная школа. Руководство для учащихся, составилъ
А. Комаровъ. ц. 80 к.

Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской
рѣчи. В. Науменко. К. 1889 г. ц. 60 к.

На Вкраини. Виршы и пьсьни И. Тарасенко. К. 1889 г
ц. 40 к.

Антигона. — Софокла. Перевіршувавъ П. Н. 1885 г. ц.

Москалева крыныця. Поэма Т. Шевченко. Одесса
1889 г. ц.

Княжна. Поэма Т. Шевченко. Одесса 1889 г. ц. 40 к

Назаръ Стодоля. Дія Т. Шевченко. Одесса 1889 г. ц.

